

РЕЦЕНЗИЯ

Л. Ясан: Видовые корреляции русского языка в системе грамматических оппозиций. Budapest: ELTE Szlav és Balti Filológiai Intézet, 2005, 212 с.

Монография профессора Будапештского университета содержит успешно защищенную диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук. Книга состоит из вступления, двух частей, заключения, списка литературы и указателя имен. Предметного указателя, к сожалению, нет.

Во вступлении (с. 5–6) указывается, что «аспектологическим вопросам русского глагола посвящена действительно огромная литература». В изложении проблематики автор опирается на работы многочисленных исследователей, из которых наиболее стимулирующими для формирования и развития его концепции оказались классические труды Ю.С. Маслова, исследования тех аспектологов, которые в каком-либо направлении развили дальше его учение, так прежде всего труды А.В. Бондарко, Е.В. Падучевой и М.Я. Гловинской. При оценке этой монографии я обращаю внимание читателей на следующее: во-первых, по характеристике В.А. Плунгяна (1997: 192) «аспектологическая (как, впрочем, и вся общеграмматическая) терминология сейчас находится в состоянии ярко выраженной феодальной раздробленности». Во-вторых, мы поддерживаем мнение И.Б. Шатуновского (1997: 225), по которому «насущной задачей современной аспектологии является создание максимально широкого и в то же время ясного и простого описания этой категории». В-третьих, в последнем десятилетии XX века и в начале нашего века изданы несколько книг и сборников статей, занимающихся вопросами русской и славянской аспектологии (ср.: Кароляк 1995; Падучева 1996: 7–191; Черткова 1996, 1997, 1998; Зализняк–Шмелев 1997, 2000; Булыгина–Шмелев 1997: 13–189; Черткова–Плунгян–Рябчиков–Кузнецов 1997; Тихонов 1998; Петрухина 2000; Плунгян 2001). В-четвертых, я ожидал, что высшим стимулом монографии будут эти вышеназванные новейшие работы. А.М. Ломов (1997: 178), например, связывает трудности описания категории вида не только с нестандартностью этой категории, но и с приверженностью аспектологов «давно уже пережившим себя научным представлениям». В.А. Плунгян (1997: 191) считает очень важным те усилия, которые предпринимает И.А. Мельчук в унификации терминологии, особенно в своем «Курсе общей морфологии» (1998: 92–116). В монографии об этих усилиях нет ни слова.

В первой части монографии (с. 7–58) автор занимается общими вопросами вида и проблемой его типологии: 1) понятием «корреляция», 2) семантикой вида и проблемами его определения, 3) характером видовой оппо-

зиции, 4) вопросом об общем значении, 5) статусом категории вида в славянских и неславянских языках (проблемами классификации).

Во второй части (с. 59–186) исследуются **вопросы коррелятивности вида в русском языке**: 1) формальная характеристика видовых корреляций (с. 59–70), 2) видовая коррелятивность с учетом семантики глагола (с. 71–112), 3) видовая парность как теоретическая проблема: проблема лексического тождества коррелятов (с. 113–150), 4) функционально-деривационные варианты видовых коррелятов (с. 151–180), 5) расширенное истолкование понятия «конкуренция видов» (с. 181–186).

Заключение (с. 187–194) – это то удачное краткое резюме, то менее удачный краткий пересказ содержания предыдущих частей монографии, то повторение отдельных определений с некоторыми изменениями. Ср., напр., «объединенные в пару глаголы не различаются лексическим значением, их отличие заключается лишь в значении вида, т.е. в наличии/отсутствии признаков целостности и ограниченности пределом действия» (с. 113) ↔ «видовая пара – это такое противопоставление глаголов разного вида, в котором лексическое тождество коррелятов проявляется в том, что глагол НСВ также способен выражать событийное значение (характерное для глаголов СВ) – в позициях настоящего исторического и многократности» (с. 192). Этот последний вариант определения мне кажется более убедительным.

В списке литературы (с. 195–208) называются статьи, книги, словари. Их общее число 238.

Указатель имен (с. 209–210) содержит 138 имен. Названы следующие венгерские ученые: Bihari József, Bolla Kálmán, Dezső László, Kiefer Ferenc, Krékit József, Páll Erna, Pete István, Péter Mihály, Vendler Zénó.

В дальнейшем я обращаю внимание читателей на некоторые проблемы с целью вызвать у них повышенный интерес к прочтению этого детального монографического исследования.

1. Понятие «корреляция» (с. 7–8)

Л. Ясаи вслед за работой Б. Тошовича (1998: 5) подчеркивает: «Корреляция является особым видом отношения – взаимным отношением грамматических феноменов (форм, значений и функций), которое при наличии минимальной семантической разницы превращается в совместимую связь» (с. 7). «Корреляция пронизывает язык во всех его сферах, но главным аспектом корреляции является функционально-семантическая совместимость» (с. 7). «Видовая корреляция – это, на самом деле, просто противопоставление глаголов СВ и НСВ, однако в практике (в лингвистической и учебной) под этим понятием понимается видовая пара как особый тип корреляции» (с. 8). Такое понимание корреляции ничего нового не вносит в традиционное опи-

сание категории вида. Далее «функционально-семантическая совместимость» является, в первую очередь, главным критерием сочетаемости лексических единиц. Члены морфологической парадигмы характеризуются, как правило, семантической несовместимостью и незаменимостью. По-моему, корреляционное описание видов исследует, в первую очередь, разные типы **иерархической семантической зависимости** вида в рамках **трехступенчатых корреляций** внутри аспектуальности. Я решительно против предлагаемых профессором Б. Тошовичем новых терминов *категориал* (*экстракатегориал*, *интеркатегориал*, *интракатегориал*), *корреляционал* и т.п. и разработки особой корреляционной грамматики. Корреляционное описание не заменяет, только **дополняет** противопоставление глаголов СВ и НСВ. Как известно, кроме видовых двоек имеются и видовые тройки и многочленные видовые корреляции (ср. Емельянова 1974). В своей кандидатской диссертации сам Ясаи занимается этой проблематикой. В 1986 году он написал статью «Смысловое и видовое соотношение глаголов *искать-найти-находить*» (Ясаи 1986). Для меня было бы интересным и исследование корреляции глаголов *отыскать, сыскать – найти, отыскивать – находить* и соотношения их венгерских эквивалентов *talál – megtalál, keres – megkeres, felkeres*. Кроме аспектуальных троек Ю.Д. Апресян (1997) обсуждает и некоторые **нетривиальные случаи** корреляции видов. Напр.: *наступать/наступить кому на ногу, наступает/наступила ночь*, но только *армия наступает*. Форма **армия наступила*, однако, отсутствует, несмотря на то, что возможны обе антонимичные формы *армия отступает/отступила*. К сожалению, Апресян не пишет о том, какой глагол употребляют русские вместо невозможного словосочетания **армия наступила*. В этом случае говорят *армия перешла в наступление, армия продвинулась вперед*. Апресян пишет между прочим и об **избыточности** парадигмы. Так, например, в видовой тройке *таять – растаять – растаивать* глагол *растаивать* «вариант формы *таять*, который выведен по правилам системы, но реально в узусе не существует» (Апресян 1997: 14). (В скобках отмечаю, что по Апресяну у глагола *мести* своей формы СВ нет. В словаре Ожегова (20-е изд.), в МАСе (2-е изд.), например, есть: *мести – подмести*, т.е. нет нужды восполнять несобственной формой неполную парадигму глагола *мести*, хотя в МАСе указывается и видовая пара *подмести – подметать* – от последнего образуется существительное *подметание*. По мнению Апресяна (1997: 14), трактовка второго издания МАСа иногда «приводит к катастрофическим следствиям, потому что оказывается, что у некоторых русских глаголов в аспектуальную парадигму входит до семи разных форм. Так для глагола *скопить* указаны формы НСВ *копить, скапливать и скоплять*, для глагола *накопить* указаны формы НСВ *копить, накапливать и накапливать*»).

2. Какой категорией следует считать вид русского глагола: (только) морфологической, синтаксической или семантической?

По мнению автора монографии, «справедливо подчеркивал Ф. Папп (уже в 60-е годы) что „для формы категории вида характерно, что она выражается в широком смысле *синтаксически*“» (с. 11). На несколько строк ниже: «Подчеркнем: русский глагольный вид считается морфологической категорией потому, что он **обязательно выражается и морфологически**» (с. 11). На несколько страниц ниже (с. 17): «русский вид является **семантической** категорией, формулирующей морфологическими и синтаксическими средствами, которая характеризует протекание действия во времени внутри с отношением к его пределу, и способна выражать в рамках одного лексического значения формальное противопоставление двух рядов грамматических форм по признаку наличия/отсутствия ограниченного пределом целостного действия». Мои критические замечания: 1) Лексическая категория выражается самостоятельными словами. 2) Видовые формы не формулируются, а образуются, т.е. они кратко и точно выражают не мысли, а называют предельные или неопредельные действия (в широком грамматическом смысле). 3) Синтаксическими средствами вид в русском языке не образуется (у двувидовых глаголов синтаксическое окружение только конкретизирует вид). 4) В образовании видовых форм кроме морфологических способов различаются еще фонематические (изменение места ударения и чередования звуков) и супплетивные (т.е. лексические) способы. 5) На с. 29 Ясаи, ссылаясь на Гловинскую и Бондарко, различает внутренний, внешний, реальный, потенциальный, эксплицитный, имплицитный или абсолютный пределы. Он правильно подчеркивает, что «для определения СВ годятся не все разновидности пределов». 6) Начинательные глаголы СВ и все глаголы НСВ – кроме фактического значения – не обозначают целостные действия. 7) В последнее время часто встречаются работы, в которых глаголы СВ выражают «возникновение новой ситуации» или «событие». Для меня является проблематичным, в какой степени могут выражаться две ситуации (т.е. два разных положения вещей) в рамках одного значения.

3. Суперкатегориальность аспектуальности

Аспектуальность в глаголах тесно связана с категорией времени и логическим субъектом. Ср.: *Милиционеры окружали/окружили дом – Забор окружает дом/*окружил дом*. В глаголах типа *вечереть ↔ завечереть* субъект инкорпорирован в корне. Аспектуальность в других частях речи также связана с временем, но без отношения к категории времени. «Аспектуальность относится к наиболее распространенным в языках мира категориям и является, по мнению некоторых лингвистов, более универсальной,

чем даже категория времени» (Мурясов 2001: 86). Ее суперкатегориальность в славянских языках проявляется, с одной стороны, в иерархической зависимости существования этой категории кроме глагола: в отглагольных существительных (не всегда), прилагательных (редко) и наречий (очень редко) (с. 15). Ср.: *спасать* ↔ *спасти*, *заняться спасением людей* ↔ *спасение утопающих*, *горнорабочий-спасатель* ↔ *Спаситель* 'одно из названий Христа или избавитель', *спасательный круг* ↔ *спасительный совет*, *увлекать* ↔ *увлечь*, *рассказывать увлекательно* ↔ *говорить, работать увлеченно*. С другой стороны, внутри глагольной части речи от аспектуальности зависит образование и употребление категорий **времени, наклонения, залога, причастий и деепричастий**.

4. Глубокие мысли Маслова, не менее глубокие мысли Вендлера и начало этапа современной аспектологии

По мнению Л. Ясаи (с. 71) «начало этапа так называемой современной аспектологии целесообразно считать с 1948 года». Тогда вышла в свет статья: Маслов (1948). Ю.С. Маслов «предлагал выделить семантически три основных типа видовой пары» (с. 79):

- попытка – успех: *ловить* – *поймать*, тенденция – осуществление: *тонуть* – *утонуть*, *умирать* – *умереть*;
- глаголы чувственного восприятия, говорения, переживаний и психических состояний: *видеть* – *увидеть*, *лгать* – *солгать*, *нравиться* – *понравиться*;
- глаголы СВ выражают «скачкообразный переход к новому качеству», парные же глаголы НСВ являются непроецессуальными, т.е. они не могут обозначать тот предшествующий процесс, который привел к результату. Глаголы НСВ «так же, как и глаголы СВ, выражают достижение результата, иначе моментальность» (с. 79–80): *находить* – *найти*, *приходить* – *прийти*, *выучивать* – *выучить*.

«Позднее, но независимо от Ю.С. Маслова, подобные и не менее глубокие мысли высказал З. Вендлер, предложив свою акциональную классификацию английских глаголов (Vendler 1967: 102). Он различал 4 группы, в каждой из них выражается такое общее семантическое значение, которое играет важную роль и с точки зрения видовой коррелятивности русского глагола (как это указано в скобках):

- states (глаголы состояния – от них пара не образуется);
- activities (глаголы деятельности, обозначающие непредельные процессы – пара также не образуется);
- accomplishments (глаголы исполнения или свершения, обозначающие результат предельных процессов – это парные глаголы);
- achievements (глаголы достижения, в употреблении Маслова: „скачки“ – это как парные глаголы, так и непарные глаголы perfectiva tantum)» (с. 71).

Эта «семантическая классификация З. Вендлера (Vendler 1967: 106) является, по всей вероятности, универсальной» (с. 56). По оценке Т.В. Булыгиной (1995: 48): «В последнее время особенную популярность среди исследователей глагольного вида в русском языке получила классификация предикатов, предложенная на материале английского языка З. Вендлером в 1957 г. Привлекательность указанной классификации состоит в том, что будучи построенной независимо от собственно аспектологических соображений, она позволяет подвести под особенности аспектологического поведения предикатов различных типов онтологическую базу. Не случайно [...] классификация предикатов по З. Вендлеру обнаруживает поразительное сходство с классификацией русских видовых пар, предложенной Ю.С. Масловым. По-видимому, это связано с тем, что классификация З. Вендлера в неявном виде опирается на фундаментальное подразделение явлений на события, процессы и состояния, лежащее, как можно полагать, в основе русской аспектуальной системы [...]. Глаголы совершенного вида всегда обозначают события, тогда как глаголы несовершенного вида могут использоваться для обозначения событий (напр., в контексте многократности, „настоящего исторического“ и т.п.), процессов и состояний». Мои критические замечания и дополнения: 1) Первый вариант работы «Verbs and Times» Вендлера был напечатан как Vendler (1957), второй же вариант с небольшими изменениями как Vendler (1967). 2) Вендлер классифицирует не предикаты, а глаголы. (Термин *предикат*, во-первых, традиционно обозначает сказуемое, во-вторых, в математической логике и прикладной лингвистике: то, что утверждается об аргументе – ср.: предикатно-аргументная структура, в-третьих, слово, имеющее активные валентности. Валентность в наши дни уже не только синтаксическая и семантическая сочетаемость глагола, но и сочетаемостная способность любого слова, даже разных единиц языка, напр., и морфем.) 3) Вендлеровская классификация построена не независимо от собственно аспектологических соображений. В начале своей работы он пишет о том, что среди глаголов можно различать глаголы, обозначающие процессы, состояния, расположения, происшествия, деятельность/занятость, достижение/законченность и т.д. (“Distinctions have been made among verbs suggesting processes,

states, dispositions, occurrences, tasks, achievements, and so on", Vendler 1967: 97). Эти семантические группы, однако, не способны объяснять возможность или невозможность образования разных временных форм английских глаголов. Вендлер сосредоточивает свое внимание, в первую очередь, на тех группах глаголов, которые являются предпосылкой возможности образования прогрессивного грамматического времени, которое в наши дни называется между прочим прогрессивным аспектом ("I start with the well-known difference between verbs that possess continuous tenses and verbs that do not"; там же, 99). 4) Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев (1997: 75) отмечают, что подход Ю.С. Маслова и З. Вендлера «обнаруживает существенное сходство с классификацией глаголов, предложенной Аристотелем». Они же обращают наше внимание на некоторые недостатки вендлеровской классификации (там же, 74): Вендлер не пытается соотнести свою типологию глаголов с известными лингвистическими классификациями, выделяющими действия, процессы, события и т.п. Он рассматривает только те глаголы, которые связаны с человеческой деятельностью. Ясаи (с. 44) ссылается на статью Ф. Кифера (Kiefer 1996: 258), который к выделяемым 4-м типам Вендлера относит еще 5-й тип **моментальных** (одноактных, семейфактивных) глаголов: *megmoc-san* '(по)шевелнуться', *megzörren* 'зазвенеть', *megrezzen*, *megrezdül* 'зашевелиться', *megdobban* 'дрогнуть, встрепенуться', *felszisszen* 'взвизгнуть', *felkiált* 'вскрикнуть', *felvillan* 'вспыхнуть' и др. По оценке Булыгиной и Шмелева (1997: 74), Деклерк (Declerck 1979) настаивает на том, «чтобы выделяемые Вендлером и его единомышленниками признаки относились не к типам глагольных предикатов, а к типам предикаций». 5) По-моему, вендлеровская аспектуальная классификация английских глаголов, совсем не подходит для видовой классификации русских глаголов. Во-первых, по Ясаи (с. 84), например, в русском языке глаголы состояния и деятельности не имеют видовой пары. Видный аспектолог придерживается этого мнения, несмотря на то, что многие русские глаголы состояния и деятельности имеют видовую пару: *болеть* – *заболеть*, *выздоровливать* – *выздороветь*, *писать* – *написать*, *читать* – *прочитать*. Во-вторых, русские видовые пары выражаются разными глаголами, имеющими – как правило – морфемную связь. В английском языке такие видовые пары обычно передаются одинаково: *писать*, *написать* – *write*, *находить*, *найти* – *find*, *заболевать*, *заболеть* – *fall ill (with)*, *читать*, *прочитать* – *read*. В-третьих, я считаю важным, чтобы мы определили частеречное категориальное значение, типы логикосемантического значения глаголов, основные аспектуальные значения и типы видовых значений глаголов.

5. Трехступенчатая семантическая иерархия аспектуальности

Внутри аспектуальности нами выделяется трехступенчатая иерархия коррелятивных зависимостей: **акциональный динамизм ↔ вид ↔ способы действия**, которые характеризуются убывающей продуктивностью. Здесь мы занимаемся только акциональным динамизмом.

Лексико-семантическая категория акционального динамизма характеризует **внутреннюю подвижность** денотативно-понятийного значения глаголов и некоторых отглагольных частей речи. По акциональному динамизму глаголы нами делятся на динамичные, статичные и мгновенные. Х.Р. Мелиг (1995: 134) указывает, что существительные типа *поездка, прыжок, выстрел* «обозначают во временном плане гетерогенные объекты, а именно изменения, т.е. ситуации, которые обозначают переход из предшествующего состояния в последующее, не идентичное с первым. Напротив, такие существительные, как *шум*, не обозначают изменения состояния. Поскольку ситуации, обозначаемые этими существительными, концептуализируются во временном плане как гомогенные, они не имеют ингерентной границы, с достижением которой они прекращались бы». Мне кажется, что пример *шум* является неудачным, поскольку глагол *шуметь* имеет видовые корреляции СВ, которые доказывают гетерогенность данного действия во времени: *зашуметь, прошуметь, расшуметься*. Сочетания *поднять шум, шум смолк, шум стих, внезапный шум поднялся на улице, сильный, ровный, невыносимый шум* и др. также связаны с возможностью возникновения, прекращения или изменения силы шума во времени. В акциональном динамизме нами отграничивается также трехступенчатый характер убывающей коррелятивной зависимости.

5.1. Динамичные (терминативные) глаголы характеризуются внутренней подвижностью денотативно-понятийного значения с разной степенью его проявления. Ср.: *спать крепко, спокойно, беспокойно, тревожно, сладко, долго, мертвым (глубоким, крепким) сном*. В значении таких глаголов могут возникнуть разные пределы: *заснуть только к утру, поспать после обеда* ‘уснуть на короткое время’, *выспаться* ‘вполне отдохнуть’. Динамичные глаголы также могут иметь неактуальное значение времени (*Что посеешь, то и пожнешь*). В русском языке от них образуются разные типы предельных и непредельных видовых корреляций, в английском языке они имеют непрогрессивные, прогрессивные и перфектные временные формы.

Динамичные глаголы НСВ и СВ многими лингвистами называются **предельными**. (Ясаи: «в видовую пару входят только глаголы НСВ с предельным значением», с. 73). Употребление термина *предельный глагол* в двух разных значениях усиливает терминологическую путаницу. В.Г. Гак (1997: 153) для устранения неясности предлагает закрепить термины *пре-*

дельность/непредельность за лексической семантикой глаголов, а за семантикой вида – *лимитативность/нелимитативность*. Как прав, но решение проблемы сравнительно проще: динамичные глаголы НСВ не следовало бы называть предельными (как это встречается и у Ясаи).

5.2. Статичные (атерминативные, гомогенные во времени) глаголы характеризуются внутренней неподвижностью денотативно-понятийного значения, отсутствием в них возможности возникновения какого-либо внутреннего предела. Статичные положения вещей стабильны и гомогенны. Статичные глаголы абсолютно одновидовые. От них не образуются формы 2-го лица императива, в английском языке прогрессивные видо-временные формы, в русском и венгерском языках – способы действия. По акциональному динамизму к статичным глаголам относятся:

- связочные глаголы: *быть, являться, представлять собой*;
- часть глаголов бытия и существования: *присутствовать, быть, находиться, содержать(ся), отсутствовать, состоять*;
- часть реляционных глаголов: *обладать, принадлежать, стоить, граничить*.

Между динамичными и статичными глаголами нет резкой границы. Г.А. Золотова (1973: 246) толкует признак статичности как не имеющий актуального значения времени. Это однако не всегда так. Ср.: *Кто сегодня отсутствует? Директор сейчас находится в министерстве. Но: Остановка автобуса находится рядом с театром*. Отдельные глаголы в зависимости от значения субъекта могут иметь динамичное и статичное значения: *Будапешт лежит на обоих берегах Дуная – Мальчик лежит (полеживает, полежал) на кровати*.

В разных языках могут быть расхождения в акциональных свойствах отдельных (групп) глаголов. Глаголы интеллектуального и эмоционального состояния в английском языке, например, относятся к статичным глаголам, поскольку от них не образуются прогрессивные аспектуально-временные формы. В русском и венгерском языках они, как правило, являются динамичными, т.е. от них образуются предельные корреляции: *любить → полюбить, разлюбить, влюбиться; видеть → увидеть, слышать → услышать, недослышать*. Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев (1997: 87) подчеркивают, что глаголы типа *любить, плакать* обозначают «ингерентно длящиеся (хотя бы и короткое время) „положения дел“ [почему не „действия“, ведь положения вещей обозначаются предложением? – И. П.]». И те, и другие, „длясь“, не приводят (сами по себе) ни к какому событию. [...] Однако „прекращение“ такого положения дел, которое обозначается предикатами типа [...] *любить*

[...] является „неестественным“ – в том смысле, что оно непременно вызывается особыми „событиями“ (ср. [...] *разлюбить*)». На таком основании «начало» действия *любить* (ср. *полюбить кого, влюбиться в кого*) также можно считать «неестественным».

5.3. В мгновенных (скачкообразных) глаголах внутренний предел проявляется не в результате постепенного развития внутреннего динамизма, не через переход ряда промежуточных фаз, а мгновенно, неожиданно, неконтролируемо и нежелательно: *очутиться в незнакомом месте, в неловком положении, очнуться от испуга, опомниться после обморока, Грянул гром, Кровь хлынула из раны, Он споткнулся о порог*. К этой группе можно отнести и неизменяемые личные формы глаголов типа *прыг, бах, бряк, глядь, скок, шмыг, щелк, толк*, выражающие в функции сказуемого мгновенное действие в прошлом. А.А. Шахматов называл эти формы глаголами мгновенного вида, А.М. Пешковский – глаголами ультрамгновенного вида (Розенталь–Теленкова 1972: 68–69).

Апресян (1988), Падучева (1998) и др. неправомерно расширяют объем так называемых моментальных глаголов. Как моментальные оцениваются такие видовые пары, в которых противопоставляются ‘достижение предела’ (СВ) и ‘многократное достижение предела’, т.е. формы НСВ не выражают конкретно-процессного значения. Ю.Д. Апресян (1988) различает 10 групп таких глаголов. Вот примеры из каждой группы: *приносить, доезжать, вспоминать, терять, выигрывать, проигрывать, заставлять, получаться, подводить кого, ронять, изменять кому, задерживать, оставлять, стрелять, махать*. Л. Ясаи (с. 87) принимая с некоторой оговоркой группировку Апресяна, подчеркивает, что «дело не в том, что в реальном мире данные „достижения“ не подготовлены каким-то предшествующим процессом. Однако отличительным признаком этих глаголов НСВ является именно та их особенность, что они [т.е. формы *приезжал, находил, достигали*] не способны обозначать (называть) данную подготовительную фазу». Г.М. Зельдович (2002: 34) утверждает, что «моментальные глаголы типа ПРИХОДИТЬ абсолютно неспособны обозначать какой-либо безрезультативный процесс: ср. совершенно аномальное **приходил, но не пришел*». В пространственном значении глагол *приходить* обозначает прибытие куда-нибудь обычно с большого расстояния, поэтому назвать такие глаголы моментальными противоречит здравому смыслу: **Он моментально приехал из Москвы в Будапешт*. По моей оценке глагол *приходить* обозначает процесс, часто безрезультативный, но ни в коем случае «многократное достижение предела»: *Он приходил запыхавши. Он все не приходил* (задержка). *К власти приходят демократические силы общества. Очень долго представители двух группировок не приходили к соглашению. Приходит время обеда. Тамара постепенно приходит к выводу, что дочь ее обманывает*. По мнению Т.В. Булы-

гиной (1995: 44), «несов. *понимать* никогда не обозначает процесс (деятельность), результатом которого было бы событие, обозначаемое сов. *понять*. Здесь мы имеем дело, скорее, с обратным соотношением: несов. *понимать* обозначает состояние, которое является результатом предшествующего события (моментального акта или внезапного озарения), обозначаемого формой сов. *понять*». Тот факт, что в английском языке глаголы *understand*, *find* и еще многие другие не могут выражать действие и состояние как процесс, не означает, что это и в русском языке всегда так: *Сначала Петя плохо понимал ход решения этой задачи, наконец понял. Говорите медленнее, я вас плохо понимаю. Я потерял ключи, и они долго не находились, наконец нашлись. Я не нахожу ошибок в этом сочинении. Я уже кажется нахожу нужную книгу. (Подожди, я скоро найду ее.) Морозы все больше крепчали, и лед на озере достигал уже тридцати сантиметров толщины (Вершигора). Вот официант приносит наш кофе. На восьмидесятой минуте матча наша команда еще выигрывала/проигрывала. Эту проблему ученые решали очень медленно. Отец махал рукой вслед уходящему поезду. Виктор нажал на гашетку, пулемет не стрелял: боекомплект кончился (МАС, 2-е изд.). Он стрелял, но не выстрелил (Г.М. Зельдович). Бабушка через два дня приезжает к нам.*

6. Инварианты СВ и НСВ

Ясаи подчеркивает, что «определение семантического инварианта любого грамматического значения является существенной задачей лингвистики» (с. 26). Инвариантное значение наличествует во всех конкретных вариантных реализациях видовых форм. Для иллюстрации он цитирует Н.В. Перцова (2001: 142–143), который называет 9 разных значений в качестве инварианта СВ (с. 27). В монографии однако не пишется о том, что на взгляд Ф. Лемана (1997: 177) инвариантной семантикой славянский вид не обладает. З.Д. Попова (1997: 93) заявляет, что «инварианта вида» нет. Есть набор оппозиций по семам ‘один раз’ – ‘много раз’, ‘действие’ – ‘результат’ и др. Р. Гжегорчикова (1997: 22) того мнения, что «поисками видового инварианта, общего для всех глаголов СВ в отличие от глаголов НСВ, занимались почти все аспектологи, однако до сих пор удовлетворительное значение не найдено». В понимании инварианта я сторонник обоснованного мнения А. Барентсена (1995: 3), по которому «инварианты обычно не являются универсальными, но скорее специфическими для каждого отдельного языка на определенной стадии его исторического развития». По мнению Ясаи, «в современной аспектологии существуют практически две теории для определения инварианта СВ с помощью положительного признака: **целостность и ограниченность пределом действия**» (с. 28). В РГ (1980: 583) встречается компромиссное определение Н.С. Авиловой, по которому глаголы СВ обо-

значают «ограниченное пределом целостное действие». «Глаголы несом. вида не обладают признаком ограниченности действия пределом, признаком целостности действия.» Ясаи определяет СВ как **«целостное действие, ограниченное реальным пределом, и способное выступать в секвентной связи для выражения временной последовательности за исключением настоящего времени»** (с. 188). Мне вовсе не нравится это громоздкое определение. Во-первых, *Мы шли до университета пешком* (университет – реальный предел, а глагол – НСВ). Во-вторых, дефиниция теории целостности/нецелостности совпадает с определением древнего аориста и имперфекта. (Ср.: Аорист обозначал действие, целиком завершённое в прошлом. Имперфект выражает действие длительное, повторяющееся, незаконченное, совершённое в прошлом.) В этой связи А.А. Караванов (1997: 167) задает вопрос: «значение аориста [...] и значение СВ – одно и то же или нет?». По-моему, конечно, нет. Ведь начинательные глаголы не обозначают целостные действия, кроме того о «целостности» действия можно говорить в прошедшем времени. В-третьих, в секвентной связи способны выступать и глаголы НСВ, а глаголы СВ не всегда обозначают последовательность действий: *Ученики сегодня на первом уроке читали рассказ и писали сочинение – Гости посидели, поговорили, посмеялись*. В-четвертых, А.В. Бондарко (1995: 29) в конце концов также признает приоритет признака ограниченности действия пределом. Он считает ненужным постоянно оперировать двумя семантическими признаками, то есть категория вида выражает отношение к его внутреннему пределу. Глаголы СВ называют предельные действия, глаголы НСВ – непредельные. Предел может быть начальным, ограничительным и конечным. Таким образом русский вид можно было назвать **фазисным аспектом**. Нами различаются по 3 типа начального, ограничительного и конечного пределов. Ср.:

Начальный предел:	Ограничительный предел:	Конечный предел:
1) ингрессивное начало: <i>Он сел в машину и поехал;</i>	1) кратковременная (делимитивная) ограничительность: <i>Я поплавал только полчаса;</i>	1) абсолютный предел: <i>Я выздоровел;</i>
2) инхоативное начало: <i>Он встал и заходил по залу;</i>	2) длительная (пердуративная) ограничительность: <i>Я проплавал целых полчаса ('субъективно долго');</i>	2) относительный предел (градуативы): <i>Цены повысились и продолжают повышаться;</i>
3) интенсивно-внезапное начало: <i>Дети разбегались во дворе; Он вскрикнул от испуга.</i>	3) вынужденное (дименсивное) ограничение: <i>Он отсидел 2 года в тюрьме.</i>	3) ситуативный количественный предел: <i>Я выпил воды (стакан воды, два, три... стакана воды).</i>

Категория вида часто имеет не отражательный (референциальный, онтологический) характер, то есть видовые противопоставления отражают не определенные свойства реальных действий, а взгляд носителей языка или говорящего на действие. Вследствие этого **грамматическая и референциальная предельность** совпадает не всегда. В предложениях *Я смотрел этот фильм, Летом Иван всегда вставал в 6 часов, одевался и завтракал* глаголы НСВ выражают референциальную предельность.

Мы должны учесть, что в славянской аспектологии существуют смысловые (лексикографические) и признаковые семантические определения вида, между которыми «нередко наблюдаются расхождения не по существу, а в формулировках» (Петрухина 2000: 33). По мнению А.М. Ломова (1997: 178) теория Б. Комри (Comrie 1976: 3) «предполагала коренной пересмотр» наших взглядов на общую функцию вида, причем (и это немаловажно) в том же самом направлении, в котором развиваются современные синтаксические идеи. В общей формулировке Б. Комри вид отражает различия в способах «рассмотрения внутреннего темпорального строения ситуации» (“internal temporal constituency of a situation”). Прежде чем перенять это определение, требуется разъяснение его элементов. Во-первых, что такое ситуация? Имеется такое мнение, что ситуация отражается в денотативно-номинативно-сигнификативном значении предложения, для обозначения которого в языкознании используются разные термины: *предметная ситуация, событие, положение дел, положение вещей, явление, процесс* и др. (см. Алефиренко 1999: 197). Вид, однако, в основном является морфологической категорией глагола, которая, как правило, определяет и вид предложения. У Комри, однако, «situation» употребляется в частеречном категориальном значении глагола, в значении ‘действие’ (ср.: “In the present work the term ‘situation’ is used as this general cover-term, i.e. a situation may be either a state, or an event, or a process”, Comrie 1976: 13). Во-вторых, что такое внутреннее темпоральное строение ситуации? Ответ Л. Ясаи (с. 14): «Если внутреннее время [...] представлено как открытая структура, – мы имеем дело с НСВ, если оно представлено как закрытая структура, – с СВ». Начинательные глаголы СВ имеют открытую структуру. Из объяснения Комри становится ясным, что его теория не что иное, как теория целостности Маслова, бывшее определение аориста. Ср.: *John was reading when I entered.* ‘Иван читал, когда я вошел.’ – The second verb presents the totality of the situation referred to (here, my entry) without reference to its internal temporal constituency: the whole of the situation is presented as a single unanalysable whole, with beginning, middle, and end rolled into one; no attempt is made to divide this situation up into the various individual phases that make up the action of entry” (Comrie 1976: 3). Ср. A.V. Isačenko (1962: 348): „Beim *perfektiv* ausdrückten Vorgang [...] überblicken das Ereignis als Ganzes und fassen es in seiner Totalität auf“. Зна-

чение НСВ у Комри (Comrie 1976: 24): “the imperfective pays essential attention to the internal structure of the situation, viewing a situation from within; as also will be the general point that imperfectivity is not incompatible with perfectivity”.

7. Виды – это формы одного слова или разные слова?

Одни лингвисты рассматривают вид как словоизменительную категорию (т.е. как формы одного слова, другие – как словоклассифицирующую, или как словообразовательную категорию (т.е. как разные слова), третьи – как промежуточную категорию. Ясаи принадлежит к этой третьей группе (с. 144). Я поддерживаю мнение Иоганна Фатера (и А.В. Бондарко), который лет 200 назад рассмотрел видовые формы как разные слова. Ср.: «В русском языке обыкновенно от одного корня образуется несколько глаголов, из которых каждый имеет свои формы настоящего, прошедшего, будущего времени, повелительного наклонения [...], причастий и деепричастий» (Vater 1809; см. ссылку Виноградова 1947: 477–478).

* * *

У меня твердая уверенность, что эта разносторонняя монография не останется последним словом ее автора в русской и славянской аспектологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко, Н.Ф. 1999, *Спорные проблемы семантики*. Волгоград: Перемена.
- Апресян, Ю.Д. 1988, Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке. В кн.: Караулов, Ю.Н. (отв. ред.) *Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование*. Москва: Наука, 57–78.
- Апресян, Ю.Д. 1997, Лексикографическая трактовка вида: нетривиальные случаи. В кн.: Черткова 1997, т. II, 7–20.
- Барентсен, А. 1995, Трехступенчатая модель инварианта совершенного вида в русском языке. В кн.: Кароляк 1995, 1–26.
- Бондарко, А.В. 1995, О возможных подходах к изучению видовой семантики. В кн.: Кароляк, 1995, 27–33.
- Булыгина, Т.В. 1995, Семантико-синтаксические особенности разных типов видовых форм в русском языке и вопрос об их лексикографической трактовке. В кн.: Кароляк 1995, 43–53.
- Булыгина, Т.В. – Шмелев, А.Д. 1997, *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. Москва: Языки русской культуры.
- Виноградов, В.В. 1947, *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*. Москва: Высшая школа.

- Гак, В.Г. 1997, Ответы на вопросы аспектологического семинара филологического факультета МГУ. В кн.: Черткова 1997, т. II, 151–153.
- Гжегорчикова, Р. 1997, Новый взгляд на категорию вида в свете когнитивной семантики. В кн.: Черткова 1997, т. II.
- Емельянова, С.А. 1974, *Вариантные формы видов в современном русском языке*. АКД. Ташкент.
- Зализняк, А.А. – Шмелев, А.Д. 1997, *Лекции по русской аспектологии*. München: Verlag Otto Sagner.
- Зализняк, А.А. – Шмелев, А.Д. 2000, *Введение в русскую аспектологию*. Москва: Языки русской культуры.
- Зельдович, Г.М. 2002, Семантика и прагматика совершенного вида в русском языке. *ВЯ* № 3, 30–61.
- Золотова, Г.А. 1973, *Очерк функционального синтаксиса русского языка*. Москва: Наука.
- Караванов, А.А. 1997, Ответы на вопросы аспектологического семинара филологического факультета МГУ. В кн.: Черткова 1997, т. II, 166–169.
- Кароляк, С. (отв. ред.) 1995, *Семантика и структура славянского вида I*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe WSP.
- Леман, Ф. 1997, Грамматическая деривация у вида и типы глагольных лексем. В кн.: Черткова 1997, т. II, 54–68.
- Ломов, А.М. 1997, *Очерки по русской аспектологии*. Воронеж: Изд-во Воронежского университета.
- Маслов, Ю.С. 1948, Вид и лексическое значение глагола в русском языке. *СЛЯ* № 4, 303–316.
- Мелиг, Х.Р. 1995, Гомогенность и гетерогенность в пространстве и времени. В кн.: Кароляк 1995, 131–158.
- Мельчук, И.А. 1998, *Курс общей морфологии, т. II*. Москва–Вена: Языки славянских культур – Венский славистических альманах.
- Мурясов, Р.З. 2001, Некоторые проблемы контрастивной аспектологии. *ВЯ* № 5, 86–112.
- Падучева, Е.В. 1996, *Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. Москва: Языки русской культуры.
- Падучева, Е.В. 1998, Семантические источники моментальности русского глагола в типологическом ракурсе. В кн.: Черткова 1997, т. II, 332–342.
- Перцов, Н.В. 2001, *Инварианты в русском словоизменении*. Москва: Языки русской культуры.
- Петрухина, Е.В. 2000, *Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками*. Москва: МГУ.
- Плунгян, В.А. 1997, Ответы на вопросы аспектологического семинара филологического факультета МГУ. В кн.: Черткова 1997, т. II, 190–192.
- Плунгян, В.А. (ред.) 2001, *Исследования по теории грамматики, вып. I: Глагольные категории*. Москва: Русские словари.
- Попова, З.Д. 1997, Ответы на вопросы аспектологического семинара филологического факультета МГУ. В кн.: Черткова 1997, т. II, 192–193.

- РГ – *Русская грамматика I*. Москва: Наука, 1980.
- Розенталь, Д.Э. – Теленкова, М.А. 1972, *Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя*. Москва: Просвещение, 2-е изд., испр. и доп.
- Тихонов, А.Н. 1998, *Русский глагол: Проблемы теории и лексикографирования*. Москва: Academia.
- Тошович, Б. 1998, *Глагольный категориал*. Uniwersytet Opolski, Univ. Graz.
- Черткова, М.Ю. 1996, *Грамматическая категория вида в современном русском языке*. Москва: МГУ.
- Черткова, М.Ю. (отв. ред.) 1997, *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова I–II*. Москва: МГУ.
- Черткова, М.Ю. (отв. ред.) 1998, *Типология вида: Проблемы, поиски, решения (Материалы международной конференции, 16–19 сентября 1997 г., МГУ им. М.В. Ломоносова)*. Москва: МГУ.
- Черткова, М.Ю. – Плунгян, В.А. – Рябчиков, А.А. – Кузнецов, Д.О. 1997, Ответы на анкету аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. *ВЯ* № 3, 125–135.
- Шатуновский, И.Б. 1997, Ответы на вопросы аспектологического семинара филологического факультета МГУ. В кн.: Черткова 1997, т. II, 225–226.
- Ясаи, Л. 1986, Смысловое и видовое соотношение глаголов *искать-найти-находить*. In: *A korszerűbb orosznyelv-oktatásért VI*. Pécs: JPTE, 25–36.
- Comrie, B. 1976, *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Declerck, R. 1979, On the progressive and 'the imperfective paradox'. *Linguistics and Philosophy* 3, 267–272.
- Isačenko, A. V. 1962, *Die russische Sprache der Gegenwart: Formenlehre*. Halle (Saale): Niemeyer.
- Kiefer, F. 1996, Az igeaspektus arealis-tipológiai szempontból. *Magyar Nyelv* XCII, 257–268.
- Vater, J. 1809, *Praktische Grammatik der russischen Sprache in Tabellen*. Leipzig.
- Vendler, Z. 1957, Verbs and Times. *The Philosophical Review* LXVI, 143–160.
- Vendler, Z. 1967, Verbs and Times. In: Vendler, Z. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca NY: Cornell University Press, 97–121.

Иштван Пете

(Pete István)

H-6726 Szeged, Közép fasor 15/C)